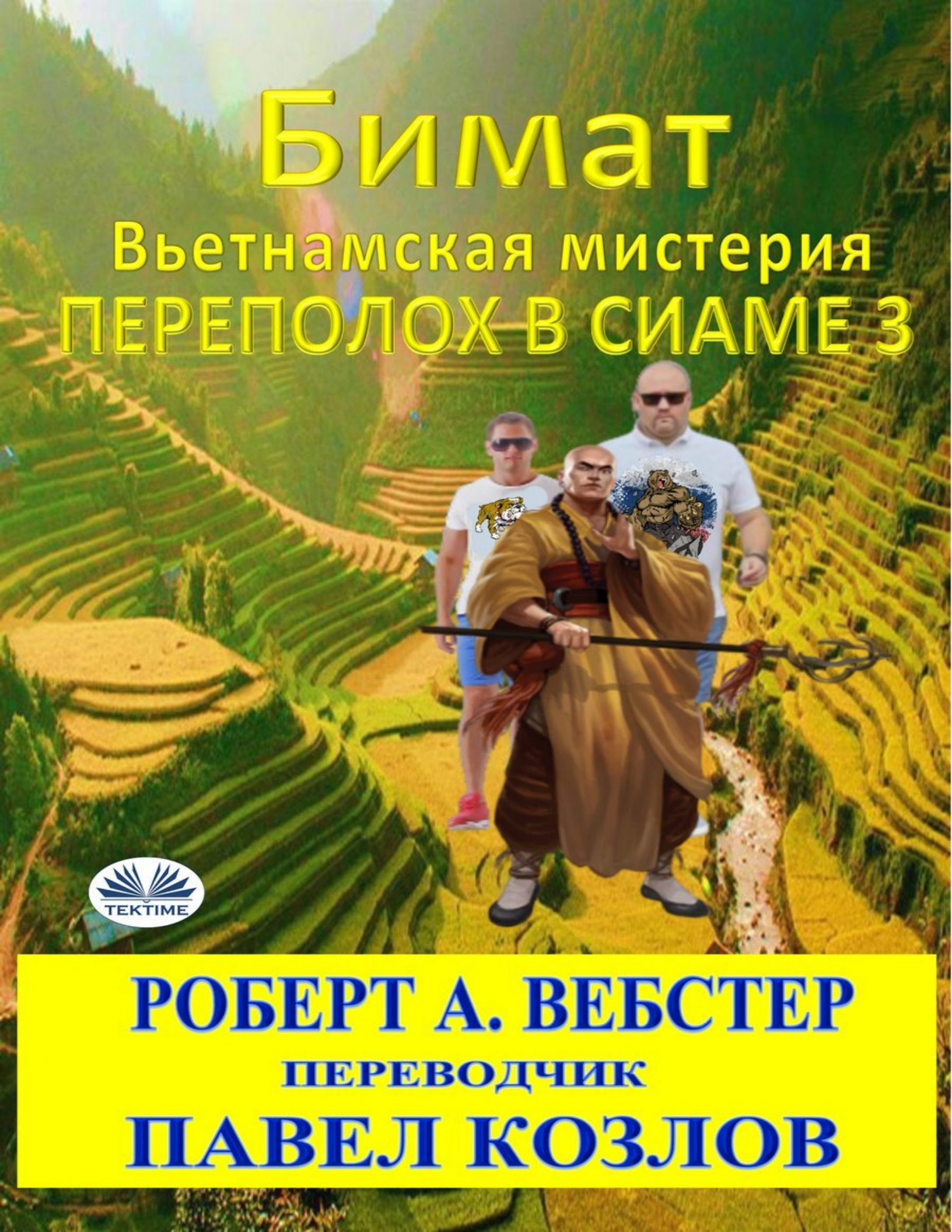
Бимат

Вьетнамская мистерия

ПЕРЕПОЛОХ В СИАМЕ 3



РОБЕРТ А. ВЕБСТЕР

ПЕРЕВОДЧИК

ПАВЕЛ КОЗЛОВ

БИМАТ
Автор: Роберт А. Вебстер
Авторские права: © Роберт А. Вебстер, 2020 год
Перевод: © Павел Козлов, 2026 год
Обложка: © Роберт А. Вебстер
Пересмотренное издание: 2020 год
Все права защищены
Автор или авторы заявляют о своем моральном праве в соответствии с Законом об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года быть указанными в качестве автора или авторов данного произведения.
Никакая часть данной публикации не подлежит воспроизведению, копированию, сохранению в поисковой системе и передаче в любом виде и любым способом без предварительного письменного согласия владельца авторских прав; равно как не подлежит распространению в любом ином переплете и с любой иной обложкой, кроме обложки данной публикации, и без обеспечения соблюдения аналогичного условия последующими покупателями.
Благодарю за уважение к труду автора.

— Глава первая —

Голодная и измученная, она с замиранием сердца заметила что-то неподалеку.

«Еда!», — всполошилась она, живо юркнула к чему-то белесо-манящему впереди и с жадностью впилась в это нечто зубами. И тут же пожалела об этом — рот как огнем обожгло пронзительной болью. В панике она хватала широко открытым ртом воду. которая вдруг закончилась, и она оказалась не понять где. Леденея от ужаса, в полном отчаянии от своей беспомощности, она неслась навстречу чему-то необъятному и вскоре провалилась во мглу.

«Глянь, чувак! Ухватил я рыбеху», — самодовольно улыбнулся Спок.

Он взмахнул удочкой и поймал рукой болтающуюся на ней мелкую рыбешку.

Стю мельком глянул на какую-то кильку, трепыхавшуюся на ладони Спока, и прищелкнул языком.

«Да, чувак, такого монстрищу словил. Если сильно повезет, даже на один зубок хватит», — сказал Стю, явно не впечатленный уловом, и с ухмылкой добавил:

«Кинь малька обратно в море. Может, потом снова попадется, когда хоть чутка подрастет».

Спок недовольно сдвинул брови.

«А сам-то ты что поймал, великий рыболов?», — буркнул гордый своей рыбацкой удачей Спок.

Стю ухмыльнулся, не реагируя на вполне уместное замечание, и молча рыбачил дальше с камней в заливе Паттайи.

Парни торчали там уже почти три часа, а поймали всего-то рыбку-попугая, которая затаилась теперь в большой банке Спока. Вынимая крючок изо рта рыбки, Спок приговаривал:

«Еще один уматный денек в раю».

Он бросил рыбешку в лужу от прибоя между камней и смотрел, как она резво удирает в теплое Южно-Китайское море.

«Ага, как же, еще один чертов уматный денек. Тяжела все же рыбья судьбинушка», — горестно размышляла рыбка-попугай.

Впрочем, совсем недолго — не успев опомниться, она попала в хищно разинутую пасть лениво проплывавшей мимо барракуды.

Стю вздохнул:

«Ну и жарища. Может, ну его уже на фиг?», — сказал он, подматывая леску с наживкой, и несколько разочарованно добавил:

«Хоть червяк вволю наплавался, и то ладно».

Спок хохотнул:

«Об чем базар, чувак! Я похвастаюсь своим шикарным уловом, а ты — своей рыбацкой катастрофой».

Стю что-то уныло буркнул в ответ, пока они складывали снасти в его внедорожник, а Спок, лучась превосходством, постучал по полям своей шляпы:

«А все дело, чувак, в счастливой шляпе; у тебя же нет такой».

Жили они теперь на окраине Паттайи со своими жёнами, Дао и Му, и пока Стю вёл машину, Спок спросил его:

«Во сколько приедут Пон и Ким?».

Стю пожал плечами:

«Точно не знаю. Пон сказал, что заберет Ким из аэропорта в час дня, потом заедет домой на пару часиков, и уже потом к нам. Так что, по моим прикидкам, часа в четыре».

Спок взглянул на часы:

«Ну, тогда мы еще успеваем пивка хлебнуть».

«Да кто ж против», — хмыкнул Стю, и они погнали в сторону бара «Бабочка» на *Темной стороне Паттайи в поисках послеполуденной выпивки и быстрых плотских утех.

Спок хмыкнул.

«Не забыл, что я нынче рыбеху словил?», — не без ехидства спросил он.

Стю вздохнул:

«Ну да, забудешь тут. Все уши прожужжал».

Спок усмехнулся:

«Скорей бы уже Му рассказать».

«Вот именно, скорей бы», — простонал Стю, прибавляя газ, чтобы быстрее доехать до бара и не выслушивать хвастливое блеяние Спока об этой чертовой рыбешке.

«Чувак, свезло мне нынче на рыбалке, скажи?», — все никак не унимался Спок.

Стю еще больше прибавил скорость, не в силах выносить столь изощренное издевательство.

Дао и Му теперь владели большой торговой точкой по продаже одежды на оживленном открытом рынке Трепасит и работали не покладая рук под палящим тайским солнцем. Поначалу было, конечно, трудновато, но потом они вошли в привычный ритм жизни, зарабатывая достаточно денег, чтобы отправлять их домой и заботиться о своих родителях и сынишке Дао.

В тот день они закрывались пораньше, потому что приезжали Пон и Ким, поэтому Спок и Стю сказали, что заберут их домой примерно в половине четвертого. Дао и Му всегда радовались приезду Пона и Ким, а поскольку Ким теперь говорила по-тайски, они во все уши слушали ее рассказы о жизни в Императорском дворце и были совсем не прочь избавиться на это время от парней, что весьма устраивало и Стю со Споком, потому как они могли забрать с собой Пона и спокойненько оторваться на стороне.

Пока девушки упаковывали свой товар в большие пластиковые коробки, Му заметила, что Дао не такая жизнерадостная, как обычно, и, вздернув брови, спросила:

«Что случилось, Дао? У вас со Стю всё в порядке?».

Дао выдавила из себя улыбку и кивнула:

«Да, конечно».

Стю и Дао редко ссорились, не то что Спок и Му, которые вечно препирались, но всегда при этом мирились. Никто не удивлялся, услышав, как Спока шлёпают по лысине, и как из их сада несется крик: «Тупица!».

Му знала Дао почти всю свою жизнь, поскольку они выросли вместе, а потому она поняла, что Дао что-то скрывает.

«Нет, не конечно, — нахмурившись, сказала Му. — Ким же приезжает, а ты не скачешь от радости».

Дао раздраженно глянула на Му и резко выпалила:

«Я в порядке, причем в полном».

Пока девушки продолжали складывать товар, Дао тяжко вздохнула:

«Извини, Му. Кое-что мне гложет душу».

Му и без того было понятно, что что-то не так, и по виноватому выражению лица Дао она тут же догадалась, в чем дело, и сердито спросила:

«Когда он приезжает?».

Дао несколько отстраненно ответила:

«Сегодня вечером в Бангкок, а завтра сюда».

Му насупилась, поджала губы и сердито бросила:

«До сих пор все у тебя шло гладко; пора кончать с этой старой историей».

Когда Му напомнила ей об этом, Дао как-то сразу сникла.

«Тебе есть что терять, так что никаких встреч, тем более Пон и Ким здесь. Ты же знаешь, какая Ким наблюдательная, сразу станет расспрашивать. А если Стю что узнает, ты потеряешь всё! Кому это надо?».

Дао кивнула и задумчиво сказала:

«Да знаю я, и на этот раз положу всему конец. Обещаю».

«Надеюсь», — вздохнула Му, будучи не вполне уверена в исполнимости этого обещания, судя по нервозности едва не плачущей Дао, продолжающей молча складывать свой товар.

Они обе давно покончили со своим прошлым девочек из бара. Минуло уже несколько лет с тех пор, как они там работали. Теперь они были замужем и вполне счастливы. И все же у них обеих всё ещё сохранялись добрые отношения с некоторыми клиентами. А те порой связывались с Дао, хотя ей пока всегда удавалось как-то увернуться от встреч. К сожалению для счастливой пары, в этом случае время работало не на них.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Спок и Стю впервые привезли Дао и Му в Англию.

Поначалу было весело, потому что девушки были весьма наивны, особенно когда им обещали показать стада диких бизонов, величественно бродящих по песчаным равнинам, а узнав, кто такие бизоны, Дао и Му пришли в неописуемый восторг.

Однако когда выяснилось, что это всего лишь несколько тощих ослов, которые лениво бродят туда-сюда по холодному пляжу Клитхорпса, катая на себе еще более тощих туристов в шапках с надписью «Поцелуй меня быстрей», девушки быстро поняли, что это

вовсе не тот рай, на который они рассчитывали. «Жопа мира» — так чаще всего называли окружающие то местечко, где они оказались, и через пару месяцев, когда наступила зима, девушки замерзли, занервничали и затосковали по дому.

Холодная, суровая зима угнетала их, а Стю, будучи слишком прижимистым, чтобы установить центральное отопление, просто советовал им одеться потеплее, потому что «прохладно», хотя на самом деле было «чертовски холодно». И вскоре девушек это вконец достало. Ни Дао, ни Му не умели водить машину, а потому в основном сидели в холодной квартире и смотрели телевизор. А поскольку каналы были только англоязычные, они быстро подучили язык, хотя и с северным выговором.

Стю и Спок заметили перемену в настроении девушках и поняли, что те далеко не счастливы, как и они сами. Жизнь для всех для них утратила свои краски, и всем стало ясно, что в Англии им не жить.

Обсудив все со своей матерью, Перл, Стю решил продать свой бизнес, переехать в Паттайю и открыть какое-нибудь собственное дело для девушек.

За годы работы Стю создал успешный бизнес в Клитхорпсе, а потому и продал его вполне успешно, выручив за него приличные деньги.

Прощание с родителями было слезным и трогательным, как и со старой боксершей Стю по кличке Чанки, которая оставалась с Перл. Двум милым старушкам предстояло нежно заботиться друг о друге.

«Присматривай за ним, Дао. Ты же знаешь, какой он болван», — напутствовала их Перл, обнимая сына со слезами на глазах.

«Обязательно, — пообещала Дао, которая успела привязаться к старой матери Стю. — Мы будем частенько навещать вас, но только летом».

И она усмехнулась.

«Спасибо, дорогая», — растрогалась Перл, обнимая Дао, и дала наказ Стю:

«И ты береги Дао, недотепа!».

«Само собой, мам», — сказал Стю, глядя на заплаканную мать, и почувствовал ком в горле, взглянув на Чанки, сидевшую на полу рядом с Перл с озадаченным видом.

Но тут же ухмыльнулся, когда Чанки вернулась к своим житейским заботам и принялась вылизывать себя в укромных местах.

Сев в такси, они поехали за Споком и Му к матери Спока, а оттуда отправились в аэропорт Манчестера. На Спока и Стю накатили грусть и тоска, но после нескольких бокалов пива в самолете они успокоились и стали с оптимизмом смотреть в свое будущее в Таиланде.

Они переехали в Таиланд к большой радости Пона и Ким, и те, пользуясь своим высоким положением, помогли им построить дома в Паттайе на двух соседних участках.

Пон и Ким частенько навещали их, а когда дома были готовы, Му со Споком и Стю с Дао поженились, проведя совместную церемонию. Перл и Хильда, мать Спока, прилетали на это радостное событие, хотя им обеим в Таиланде было слишком жарко.

Дао и Му открыли одежную лавку на рынке Трепасит, а Спок и Стю ничего не делали, что их вполне устраивало. Хотя временами у Спока не было денег, он добился для себя небольшой пенсии по инвалидности в Великобритании, да и Стю помогал ему, когда в карманах у того бывало совсем пусто.

Спок и Стю пытались выучить тайский язык, но потеряли всякий интерес к этому занятию после первых же уроков, несмотря на настойчивые уговоры девушек. В конце концов Дао и Му оставили свои тщетные попытки, придя к выводу, что их избранники уж больно толстокожие и непробиваемые, а потому приспокоились и оставили все как есть, лишь бы не мешало их идиллии.

****

Пон отдыхал в роскошной гостиной своего дома на территории Императорского дворца. Он позвонил Ким, и та сказала ему, что сидит в зале вылета международного аэропорта Нойбай в Ханое в ожидании своего рейса.

Пон улыбнулся и взглянул на часы.

«Отлично! Скоро будет дома, — подумал он. — Встречу её в аэропорту Суварнабхуми, отвезу домой. Побудем пару часиков с Самнаном, а потом поедем в Паттайю».

Пон уже жутко соскучился по Ким. Они были женаты больше двух лет и все не могли нарадоваться на своего годовалого сына по имени

Самнан, которого безмерно любили. Ким улетала во Вьетнам почти на две недели, потому как ее мать срочно госпитализировали. Перепуганный отец Ким позвонил ей и сказал, что состояние критическое, и попросил их с Поном немедленно приехать. Однако во дворце был уже согласован визит важного саудовского чиновника, пожелавшего своими глазами увидеть Священный свет, и протокол требовал присутствия при этом настоятеля, а потому Пон упросил вконец расстроенную Ким слетать к больной матери без него. Ким было очень грустно, ведь она не виделась с родителями со дня их с Поном свадьбы в Камбодже, а те еще не навещали своего внука.

Если не считать те редкие выходные, когда Пон, исполняя свои обязанности, ездил в Салабури наставлять монахов ордена Тинджу, это была его самая долгая разлука с женой. Ким всегда была рядом с Поном, и даже когда ему впервые удаляли хвост, она держала его за руку на протяжении всей долгой операции.

Спок и Стю навещали его в больнице, но скорее для того, чтобы поржать над своим хвостатым дружбаном.

С годами Пон заметно округлился, не теряя при этом мускулатуры, для чего ему приходилось просто больше тренироваться, особенно после поездок в Паттайю. Оставаясь все таким же сильным и ловким, он не избежал неизменного спутника любителей пива — пивного животика.

В дверь постучали, и в гостиную вошла его мать Банти с Самнаном на руках, чтобы узнать, во сколько приезжает Ким.

Ким теперь работала в дипломатическом представительстве при королевском дворце Таиланда в Бангкоке. Работа ее заключалась в осуществлении связей между Таиландом, Камбоджей, Лаосом и Вьетнамом при организации королевских визитов, чем она, собственно, занималась и раньше в Камбодже.

Она любила свою работу и вечно висела на телефоне, названивая во дворец в Пномпене своим старым друзьям. Ее величество Нородом Монинет Сианук и принцесса Бхуппа Деви по-матерински относились к Ким, когда она была их фрейлиной, а про исчезнувших с концами полковника Тая и Тара уже никто и не вспоминал.

Ким сказала Пону по телефону, что у ее матери случился сердечный приступ, однако по ее голосу и уклончивому тону Пон понял, что ее тревожит что-то еще. Это по просьбе Ким они собирались ехать в Паттайю сразу же после ее возвращения, потому что ей непременно хотелось о чем-то посоветоваться со Стю или Споком как с англичанами.

Пон, конечно же, согласился, потому как после второй неудачной операции по удалению хвоста, проведенной несколько месяцев назад, у него не было никакой возможности хоть немного отвлечься и развлечься. Ни сам Пон, ни хирурги не могли понять, почему этот чертов хвост упорно отрастает заново, к немалому веселью Стю и Спока. Месть Нормана Рамбла-младшего так и оставалась безответной.

Пон уже вполне прилично говорил по-английски и даже запомнил кое-какие словечки, которые не найдешь ни в одном английском словаре, но которые, по уверениям Спока и Стю, были широко в ходу на северо-востоке Англии. К примеру, Пон пополнил свой лексикон несколько загадочной фразой «Кончай звиздеть!», которую ему частенько доводилось слышать от Стю, Спока, Дао и Му.

Где-то через час Банти и Самнан ушли, мысли Пона снова обратились к приезду Ким, и он заказал королевский лимузин, чтобы встретить ее в аэропорту. Затемненные окна сами подсказывали Пону, как им с Ким скоротать время в двадцатиминутной поездке из аэропорта в Императорский дворец и уж тем более когда они будут два часа ехать до Паттайи. Усмехнувшись, он подумал:

«Надо бы взять с собой парик».

Жужжание интеркома прервало поток его сокровенных мыслей.

«Машина подана, настоятель», — раздался женский голос.

«Спасибо, Нид. Скажите водителю, что я скоро буду», — сказал Пон и, хмыкнув, пошел в спальню искать свой парик.

****

Жарким и душным паттайским днем Стю и Спок подкатили к рынку Трепасит и дальше к торговой точке Дао и Му, и девушки быстро запрыгнули на заднее сиденье.

«Привет, дорогая», — сказал Стю, откинувшись назад, чтобы поцеловать Дао.

Дао улыбнулась, обняла Стю за плечи и потрепала его по груди.

«Как рыбалка? Поймал что-нибудь?», — спросила она, изображая интерес.

«Я поймал», — вмешался в разговор Спок и пустился в длинный рассказ о том, как он больше часа тягался силами с морским чудовищем, пока не одолел его, и как, теряя последние силы. все же подтащил его к берегу.

Стю скривился и в отчаянии несколько раз стукнулся лбом об руль.

Чтобы избавить всех от этого словесного поноса, Му решительно шлепнула Спока по лысине:

«Кончай звиздеть!».

Спок тут же заткнул фонтан своего красноречия, подумав при этом:

«Ладно, дома расскажу все заново, только еще похлеще».

Стю выехал с рынка, и через пятнадцать минут они уже были дома. За день все утомились. а потому просто отдыхали у Стю, поджидая Пона и Ким.

Время потихоньку шло, и в половине пятого Стю сказал:

«Вроде как Пон уже позвонить должен».

И мобильник Стю тут же зазвонил. Тот взглянул на номер и улыбнулся:

«Ну вот, легок на помине».

«Видать, этот хвостатый учуял, что мы говорим о нём», — усмехнулся Спок.

Стю бодрячком ответил на звонок:

«Привет, чувак. Скоро будете?».

Крайне встревоженный Пон ответил:

«Нет, Стю. Ким не прилетела. Багаж прибыл, а самой ее нет».

«Фу ты, черт, — нахмурился Стю. — Что там могло случиться?».

Пон с нескрываемой тревогой в голосе сказал:

«Прямо не знаю, что и думать. Звонил в аэропорт Ханоя, там ответили, что Ким прошла регистрацию, однако на посадку не явилась. Они несколько раз приглашали ее по радио, но она так и не появилась, и самолет улетел без нее».

«Не заморачивайся, чувак. Может, просто опоздала на свой рейс и прилетит следующим», — сказал Стю, пытаясь как-то успокоить Пона.

«Нет, Стю. Когда она звонила мне утром из аэропорта, то сказала, что сидит в зоне вылета и ждет посадки на рейс, — взволнованно

поведал ему Пон. — Я расспросил служащих на стойке регистрации и в зале вылета и потом позвонил Трану, отцу Ким. Тот понятия не имеет, что могло случиться. Говорит, что заранее отвез ее в аэропорт и проводил на регистрацию. Тран тоже разволновался и сгонял в аэропорт после того, как я сказал ему, что Ким на посадку не явилась. Через полчаса он перезвонил мне и сказал, что отдал приказ службе безопасности аэропорта начать поиски. Пока никаких результатов нет, и никаких следов ее пребывания в аэропорту не обнаружено, а камер видеонаблюдения там нет. Мы с ним уже несколько часов пытаемся дозвониться до нее на мобильный, но он выключен».

Пон вздохнул:

«Стю, я так волнуюсь. Ким о чем-то не хотела говорить мне по телефону. Что-то ее явно тревожило, и она хотела обсудить это с тобой и Споком, но что именно — я не знаю».

«Хм, — хмыкнул Стю, — что бы это могло быть. Погоди, я скажу Споку и девочкам».

Стю рассказал остальным о том, что стряслось, и все сразу поняли, что Пон в большом смятении и просто места там себе не находит.

Стю взглянул на не на шутку встревоженного Спока и спросил Пона:

«Ты всё ещё в аэропорту Бангкока, чувак?».

«Ну да. Буду здесь, пока что-нибудь не узнаю».

«Понял. Жди нас там, мы уже едем», — сказал Стю и кивнул Споку, услышав, как Пон вздохнул с большим облегчением.

«Спасибо, друзья мои. Буду ждать вас в зале прилета. Пока», — сказал Пон и отключил связь.

Спок покрутил бровями.

«То ли случилось что, то ли нет, — глубокомысленно изрек он. — Надо поехать и все узнать».

Стю кивнул.

«Ну да, и прямо сейчас, — сказал он, расправляя плечи. — Чеканат там уже на дерьмо исходит от переживаний. Если все уже разрулилось, и Ким прилетела или позвонила ему, заночуем в Бангкоке и потусим там завтра с ними».

«Ну конечно, — кивнула Дао. — Только езжайте без нас. Нам же надо магазином заниматься».

Му украдкой глянула на нее.

Спок разулыбался, глядя на них:

«Так, девочки, пакуйте наши вещи. Чует мое сердце, впереди у нас новое грандиозное приключение».

И, подмигнув Стю, добавил:

«Пошел я за своей шляпой».

Пон нервно расхаживал взад-вперед у выхода из зоны прилета, снова и снова набирая на телефоне номер Ким, но после множества безуспешных попыток тяжко вздохнул и позвонил Таксину.

***В приложении**

— Глава вторая —

Полный довольства собой, Ка откинулся на спинку пассажирского сиденья. Бросив взгляд на спидометр, он заметил, что тот показывает 120 км/ч.

«Куда ты так гонишь?, — сказал он, успокаивающе положив руку на плечо явно нервничающего водителя. — Спешить нам некуда. Все самое сложное позади».

Водитель отпустил педаль газа, снизив скорость до 80 км/ч.

Ка взглянул на него:

«Ты в порядке, Туонг?».

Туонг, сжимая руль побелевшими от напряжения пальцами и пытаясь подавить дрожь в голосе, коротко ответил:

«Да».

Ка улыбнулся:

«Расслабься, скоро будем на месте».

Затем обернулся к пассажиру на заднем сиденье и с улыбкой спросил:

«А ты как там?».

Ответа не последовало.

Продолжая улыбаться, Ка устремил взгляд вперёд, глубоко вздохнул и закрыл глаза, погрузившись в сладостные воспоминания.

****

Ка родился в 1970 году в небольшой приморской деревушке Фан Яр, расположенной в нескольких километрах к юго-западу от Ки Ань на северо-восточном побережье Вьетнама. Там, в небольшой бухте с прозрачной изумрудной водой и мелководными коралловыми рифами, белый песчаный пляж плавно переходил в буйно зеленеющие джунгли, густо поросшие кокосовыми пальмами и подлеском. Подальше от берега огромные скалы, выступающие из мирно плещущих морских вод и покрытые там-сям пышной зеленью, служили домом для бесчисленного множества тропических птиц, являя собою рай земной для подрастающего мальчика.

Настоящее имя Ка было Зо-А Тхо, но все звали его Ка, что в переводе с вьетнамского означает «рыба», потому как в детстве его

невозможно было выгнать из прибрежных луж, где он играл, пытаясь поймать руками проворных крохотных рыбешек.

Рос он в небольшой деревянной хижине, устроившейся на морском берегу на окраине деревни. Его мать, Диуданг Тхо, занималась сушкой, засолкой и вялением рыбы, которую ловил его отец, и они продавали ее на деревенском рынке.

В 1973 году его отец Нгуен вместе с другими жителями деревни присоединился к Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама, Вьетконгу, и отправился в провинцию Кучи, чтобы сражаться с американцами из подземных туннелей.

Юный Ка не знал, кто такие американцы и почему они воюют, а потому они со старшим братом Фаолом просто продолжили дело своего отца, став рыбаками. Для Ка это было счастливое время, потому как за младостью лет ловить рыбу выходил в море его брат, оставляя младшего на берегу плескаться в прибрежных лужах.

Семьи бойцов Вьетконга не получали от них никаких вестей, а потому Ка почти забыл о своем отце, пока однажды в 1975 году, играя в своей любимой луже среди камней, он не услышал какие-то громкие хлопки, выстрелы и ликующие крики, доносившиеся из деревни.

Фаол, мускулистый юноша, выбрался из лодки на берег и подошел к Ка.

Тот поднял на него удивленные глаза и спросил:

«Что там такое, Фаол?».

Встревоженный Фаол прислушался.

«Не знаю», — сказал он и встал рядом с младшим братом, завидев подъезжавший к ним старый джип.

Ка терялся в догадках, увидев за рулем Пу-эда, старосту деревни, а вместе с ним свою мать и какого-то незнакомца довольно сурового вида. Когда джип подъехал поближе, он вопросительно взглянул на брата и, заметив, что тот весь дрожит, спросил:

«Кто это там сидит рядом с мамой?».

Открыв рот от неожиданности, Фаол крикнул «Папа!» и помчался навстречу приближающемуся джипу, а маленький Ка, спотыкаясь, побежал за ним, стараясь не отставать.

В последующие несколько лет Вьетнам изменился. В апреле 1975 года армия Севера захватила южную столицу, Сайгон, положив тем

самым конец войне во Вьетнаме.

Войска северян, поддерживаемые коммунистическим блоком, одержали победу над Югом, и благодаря политике президента Никсона, так называемой «вьетнамизации», американцы сбежали, а Северный и Южный Вьетнам объединились.

Семья вернулась к привычной жизни, и юный Ка теперь немного понимал, что такое война, потому как отец часто что-то кричал во сне своим погибшим друзьям.

Он рассказывал сыновьям о ядовитых многоножках и кровососущих пиявках, от которых не было никакого спасения в грязных, сырых и затхлых туннелях Кучи, и о страшных криках раненых в подземном госпитале.

Это был уже совсем не тот отец, которого помнил Фаол. Некогда миролюбивый и добродушный рыбак превратился в скупого на чувства человека с каким-то вечно отрешенным выражением лица.

За храбрость, проявленную Нгуеном Тхо в боях, семье выделили участок, на котором они и жили прежде, а также гектар плодородной земли в 500 метрах от него.

Поскольку у нового вьетнамского правительства было мало денег, которых не хватало на выплаты бывшим бойцам, им раздавали землю.

Семью Ка это вполне устраивало. Они занимались своим обычным делом – рыбной ловлей, а теперь еще и обрабатывали свою землю.

Несколько месяцев спустя, когда Ка, Фаол и их отец Нгуен бурлили воду, чтобы загнать рыбу в сеть, до их слуха донеслись автомобильные гудки.

Они подгребли к берегу и увидели несколько джипов с военными, приближавшихся к ним. В основном это были бойцы Вьетконга времен прошлой войны, старые товарищи Нгуена, жившие в Фан Яре, а также несколько деревенских парней старшего возраста.

Нгуен подошел к джипам, где с ним поздоровался какой-то незнакомый офицер. Тот пригласил его сесть в джип, и вскоре они уже входили в деревянную хижину Тхо.

Мальчишки, конечно, тоже понеслись домой. Пройдя мимо припаркованных джипов, они подошли к открытой двери и увидели в хижине мать, после чего отец заметил их и закрыл дверь.

«Ну что, едешь с нами, Фаол?», — спросил молоденький солдат из джипа.

Фаол удивленно вскинул брови:

«Куда это?».

Солдат прищелкнул языком:

«В Камбоджу, надрать задницу красным кхмерам».

Остальные солдаты рассмеялись, а Фаол ничего не понял и лишь пожал плечами.

Несколько минут спустя из хижины вышли мать с отцом и офицер. Мальчишки подошли к родителям. Нгуен, надевший свою старую бежевую форму вьетконговца, сел на переднее сиденье джипа и посмотрел на сыновей.

«Берегите мать», — сказал он и, не выказывая никаких эмоций, уставился вперед в отъезжающем джипе.

Остолбеневшие мальчишки, открыв рты, смотрели ему вслед, как и их мать, обнимавшая их за плечи.

Ка посмотрел на окаменевшее лицо матери и спросил:

«А куда папа уехал?».

Диуданг перевела на него свой задумчивый взгляд:

«Помогать камбоджийцам избавиться от мерзавцев. которые называют себя красными кхмерами. Камбоджийцы и сами сражаются с ними, но им нужна помощь».

Мальчишки. конечно же, ничего не поняли. а потому Фаол спросил:

«Если камбоджийцы воюют с камбоджийцами, то Вьетнам-то тут при чем?».

Диуданг печально посмотрела на сыновей и, со слезами на глазах, прошептала:

«Потому что мир сошёл с ума».

Утерев слезы, она пошла в небольшую летнюю кухню и крикнула оттуда:

«Через десять минут все за стол!».

Несколько месяцев спустя к дому на армейском джипе с солдатом за рулем подкатил какой-то вьетнамский чиновник.

Выйдя из машины, чиновник направился к Диуданг, которая сушила рыбу у своей хижины. Понурив голову. он сказал ей, что ее мужа в последний раз видели в Неак Луенге, большом тропическом лесу на окраине Пномпеня, где шли основные бои.

И пояснил, что Нгуен и его подразделение вели кровопролитное сражение с красными кхмерами. Хотя красные кхмеры и потеряли контроль над Пномпенем, они яростно бились за восстановление своей власти, а потому кровавые сражения на окраинах города и в джунглях так и не прекращались. Чиновник рассказал Диуданг, что отряд Нгуена вынудил красных кхмеров бежать дальше в джунгли, но сам Нгуен больше на связь с базой не выходил. Еще он сказал, что многие тела так и не удалось найти из-за непролазных зарослей в джунглях и безбрежно разливающегося Меконга, который смывает все на своем пути.

Сохраняя бесстрастное выражение лица, чиновник сказал Диуданг, что ее муж, Хаси Нгуен Тхо, считается погибшим, и передал ей клочок бумаги, на котором что-то было написано от руки и стояла официальная печать. Диуданг посмотрела на свидетельство о смерти мужа, глаза ее наполнились слезами, а чиновник быстро сел в джип и уехал.

Шел 1986-й год. Ка подрос и из мальчишки превратился в невысокого, но красивого юношу. Он по-прежнему жил с матерью на берегу моря и все так же ловил рыбу, только теперь в одиночку, потому как его брат несколько лет назад уехал на работу в Хошимин.

Они с матерью наняли двух мальчишек из деревни, чтобы те обрабатывали их землю и весьма тучные посевы. Земля у них была плодородная, хотя и немного песчаная, а потому им удавалось выращивать перец серрано, люффу, баклажаны и другие сезонные овощи.

Вьетнам тем временем преобразился с приходом к власти нового правительства реформаторов во главе с 71-летним Нгуеном Ван Линем, который стал новым генеральным секретарем партии.

Новое правительство перевело Вьетнам из плановой экономики в рыночную с социалистической направленностью. При сохранении безусловного контроля государства поощрялась частная собственность на фермы и компании, занимающиеся производством сельскохозяйственной продукции, проводилась дерегуляция и привлекались иностранные инвестиции, а государство оставляло за собой контроль только над стратегически важными отраслями.

В результате экономика Вьетнама стала быстро расти в сельскохозяйственном и промышленном производстве, строительстве и экспорте.

Для Ка, как и для всех вьетнамцев, настала пора энтузиазма и вдохновляющих надежд.

Ка стал часто бывать на дискотеках и в ночных клубах города Ки Ань, веселясь и распевая песни вместе с местными группами. Постоянной подружки у него не было, да он и не хотел её заводить.

Как-то жарким и душным днем Ка сидел на деревянном крыльце своего нового кирпичного дома, который он отремонтировал на деньги, присланные Фаолом, и смотрел, как к дому приближается красная «Хёндэ”.

«Кого это к нам занесло?, — подумал он, с интересом разглядывая машину. — Туристы тут редко бывают, да и то не на новеньких шикарных машинах».

Машина подкатила к крыльцу, и из нее вышел водитель с картой в руках.

Улыбнувшись, он слегка склонил голову в обычном приветствии.

Ка ответил на приветствие, после чего тот показал ему карту.

«Привет! Можешь мне помочь? Я ищу вот этот участок. Вроде где-то здесь, но не пойму где».

Взглянув на карту, Ка разобрал по обозначениям, что это рядом с его домом. Он подошёл вместе с водителем к машине и, положив карту на капот, указал, куда им ехать.

Пока Ка объяснял направление и указывал дорогу, из машины вышел пассажир средних лет и встал рядом с ними.

Водитель улыбнулся и, с облегчением в голосе, сказал:

«Спасибо за подсказку, а то мы уже несколько часов тут крутимся. Меня зовут Го-Лхом, я архитектор и землемер”.

Ка улыбнулся:

«А я Зо-А, но все зовут меня Ка».

Второй мужчина, более официального и властного вида, тоже представился:

«Привет, Ка. Ну а я Тран Танг».

Обменявшись приветствиями, Тран взглянул на дом.

«Неплохой домик. Я тоже строю дом на том участке, что ты нам показал».

Тран улыбнулся:

«Выходит, соседями будем. А, молодой человек?».

Они поблагодарили Ка и уехали в указанном им направлении, а Ка вернулся на свое крыльцо.

«Там огромный участок; значит, и дом строят большой, — подумал он. — А Тран такой важный и представительный в своем модном костюме и при золотых часах. Видать, из богачей».

Он сплюнул не землю и усмехнулся.

В последующие несколько дней на участке появились бульдозеры, строители, геодезисты и Го-Лхом. Они быстро соорудили временные хижины из гофрированного листового железа для рабочих и их семей, превратив строительную площадку в небольшое поселение.

А через пару месяцев там уже вырисовывались контуры большого дома.

Поскольку стройка шла совсем рядом, Ка с матерью, как и другие деревенские, с любопытством наблюдали за строительством, потому как столь роскошного дома в тех краях еще никогда не видели.

Шесть месяцев спустя огромный дом с пятью спальнями был достроен. Участок окружал высокий забор с большими железными воротами.

Внутри дома располагалась широкая центральная лестница, ведущая к пяти спальням на втором этаже, а также большая столовая, гостиная, кабинет и кухня на первом этаже и помещения для прислуги, пристроенные с тыльной стороны дома. Бассейн, раскинувший свои воды в центре обширного ухоженного сада, поражал воображение селян.

От входных ворот к большому двору перед домом и гаражу вела вымощенная гравием дорожка.

Через несколько дней прибыла новая мягкая мебель, и, после того как все было установлено, небольшая группа строителей разъехалась.

Староста деревни и владелец рынка Пу-эд весьма сожалел об этом, потому как с их отъездом бойкая торговля предыдущих месяцев сошла на нет.

Через несколько дней после отъезда рабочих к парадному входу подкатил легковой автомобиль, из него вышли трое и скрылись в доме.

Деревенские тут же узнали о приезде новых соседей, и Пу-эд объявил, что устраивает общий приветственный праздник в их честь. Приглашать на него новых соседей он отрядил сам себя.

Вся деревня дружно готовила угощения и запасалась пивом и вьетнамским самогоном.

С наступлением сумерек деревенский общинный центр под большим навесом из гофрированной жести наполнился музыкой и смехом.

Деревенские соорудили там сцену, а небольшой дизельный генератор давал достаточно электричества для освещения, работы старенького проигрывателя и микрофона.

Доморощенные музыканты играли на лунных лютнях и бинг намах, инструментах, похожих на губную гармонику, а также на тингах — бамбуковых ксилофонах, а собравшиеся танцевали и пели под эту музыку.

Новые соседи пришли всем семейством в 7 часов вечера в сопровождении Пу-эда, который поднялся на небольшую фанерную сцену, взял микрофон и обратился к жителям деревни:

«Дорогие товарищи и друзья!, — сказал он и показал рукой на новичков, представляя их. — Прощу любить и жаловать: это Тран, его прелестная жена Нга и их дочь Хен».

Он улыбнулся им и склонился в приветственном полупоклоне:

«Добро пожаловать в нашу деревню Фан Яр».

Танги всем семейством поклонились, улыбнулись собравшимся и покинули сцену.

Снова заиграла музыка, и все стали опять танцевать. Все, кроме Ка, который просто-таки не мог оторвать глаз от Хен.

На вид ей было лет 14-15, и красивее ее Ка никого и никогда в жизни не видел.

С немалым удивлением Ка, как и все деревенские, смотрел, как Хен подошла к проигрывателю, сняла пластинку и вместо нее поставила другую, которую достала из пластикового пакета, где лежали еще несколько чёрных виниловых пластинок.

Все умолкли и стали переглядываться между собой, слушая совершенно новую и непонятную для них американскую модную песенку.

Хен вышла на утрамбованную танцплощадку и стала танцевать под эту музыку, а все тем временем остановились, глядя на нее. Несколько минут танцоры с любопытством следили за ее движениями, а потом поймали ритм и присоединились к ней. Конечно же, совершенно не понимая, о чем поется в этой песенке.

Ка вдохнул поглубже и пробрался между танцующими поближе к Хен. Оказавшись прямо перед ней, он, пританцовывая, сказал:

«Привет, Хен. Я Ка».

Хен взглянула на него и улыбнулась:

«Привет, Ка. Как ты?».

«Нормально. А сейчас так и вообще лучше всех, — ответил Ка с озорной улыбкой. — Кстати, я знаю твоего отца, несколько месяцев назад познакомились».

«Да что ты. Приятно познакомиться, Ка. Надеюсь, мы будем друзьями, пока я здесь», — сказала Хен и, заметив, как на нее смотрит этот красивый юноша, залилась смущенным румянцем.

«Так и я надеюсь на то же самое», — кивнул Ка, как бы раскачивая головой в такт музыке.

Так они и протанцевали весь вечер, пока праздник не закончился.

На другой день Ка проснулся рано и пошел в деревенский центр помогать наводить чистоту после прошедшего там накануне празднования. На рынке и в общинном центре было полно народу — все дружно убирали мусор и расставляли торговые ряды. Ка тоже присоединился к всеобщей уборке и усердно чистил грязную дорожку перед рыбным ларьком своей матери, когда за его спиной кто-то тихо сказал:

«Доброе утро, Ка».

Обернувшись, Ка увидел перед собой Хен.

«О, доброе утро!», — поздоровался Ка, заметив, как прелестна Хен в первых лучах утреннего солнца.

Хен расцвела и с улыбкой спросила:

«Как ты после вчерашнего?».

«Я-то? Отлично. А вот ты что-то рано встала. Я думал, что вы, городские, дрыхните целыми днями», — хмыкнул Ка.

«Да ладно тебе. Я заскочила помочь, чем могу, а то днем мы уезжаем в Ханой».

Ка как-то сразу насупился, погрустнел и не особо уверенно сказал:

«Ну вот… Вы же только-что приехали».

Хен засмеялась:

«Да мы ненадолго. Через месяц у папы работа в *Сайгоне, а мы с мамой будем жить здесь».

Она не без лукавства взглянула на него:

«А что? Скучать будешь?».

Ка с улыбкой кивнул:

«Ну да. А то и потанцевать не с кем».

«От болтовни чище не становится», — с укором сказала Ка его мать, прервав их игривые любезности.

Ка усмехнулся и с готовностью схватился за метлу.

Хен улыбнулась и со словами «пока-пока» пошла дальше.

Следующий месяц тянулся для Ка невыносимо долго. Все его мысли занимала Хен. Хотя их знакомство и было совсем мимолетным, ему почему-то думалось, что именно на ней он однажды и женится.

И вот однажды днем, когда Ка ставил рыболовные сети на мелководье, он увидел краем глаза, что к нему по песку кто-то идет.

Заметив, что Ка смотрит на нее, Хен помахала ему рукой.

Ка разулыбался, закрепил сеть и двинулся к берегу. Стараясь идти небрежно, как полагается уверенному в себе мужчине, он, конечно же, споткнулся об острый камень, сильно ударился пальцем ноги и вскрикнул.

Скривившись от боли и прихрамывая, он выбрался на берег и заковылял к безуспешно старающейся сдержать смех Хен.

«Знаешь как больно!», — смущенно сказал незадачливый мачо.

Хен прикрыла ладошкой смеющийся рот:

«Ой, извини».

И все же не удержалась от смеха.

Ка с улыбкой взглянул на нее:

«Да ладно, пустяки. С возвращением».

И потянулась череда дней, которые были для Хен и Ка прямо-таки сказкой наяву. Пока отец Хен работал в Сайгоне, они с матерью, Нга, жили в своем доме на берегу моря в Фан Яре. Поскольку семья постоянно проживала в Ханое, Тран построил этот дом для тех случаев, когда он работает в Сайгон, который совсем недалеко от нового дома.

Нга вела замкнутый образ жизни и практически не покидала дом. И хотя у нее были уборщицы и прочая обслуга, она любила сама возиться в своем большом ухоженном саду.

Хен и Ка стали неразлучными друзьями, нежась целыми днями на берегу, где Ка учил ее ловить рыбу, хотя в основном Хен кашляла и плевалась морской водой, когда пыталась заплыть на большую глубину.

Хен училась в Ханойской средней спецшколе для одаренных детей. Будучи умной девочкой с аналитическим складом ума, как у отца, она, как и все подростки, безмерно радовалась обретенной свободе и прелестям общения, особенно увлекаясь западной музыкой.

Она самостоятельно выучила английский вместе с отцом, потому что в государственных школах английский язык в учебной программе просто отсутствовал. Совместное изучение языка весьма сблизило отца и дочь, и Тран, не гнушаясь использовать свое положение во вьетнамском правительстве, получал лучшие учебные пособия из любой точки мира.

Хен и Ка часами слушали пластинки, сидя в ее комнате, и Хен объяснила ему, о чем поется в ее любимой песне, под которую они танцевали на деревенском празднике.

Ка считал, что эта песня, в которой нет ни грустной истории, ни счастливого конца, ни о чем. Для него это был просто бессмысленный набор звуков, но поскольку Хен эта песня нравилась, то, значит, и ему тоже.

Нга, конечно же, заметила, как завязываются отношения между Хен и Ка, но она полностью доверяла им, потому как оба они вьетнамцы, а никакой интим между вьетнамцами до брака просто невозможен.

Десять дней спустя Тран вернулся из Сайгона, а на следующий день вся семья уехала в Ханой.

You've Just Finished your Free Sample

Enjoyed the preview?

Buy: http://www.ebooks2go.com